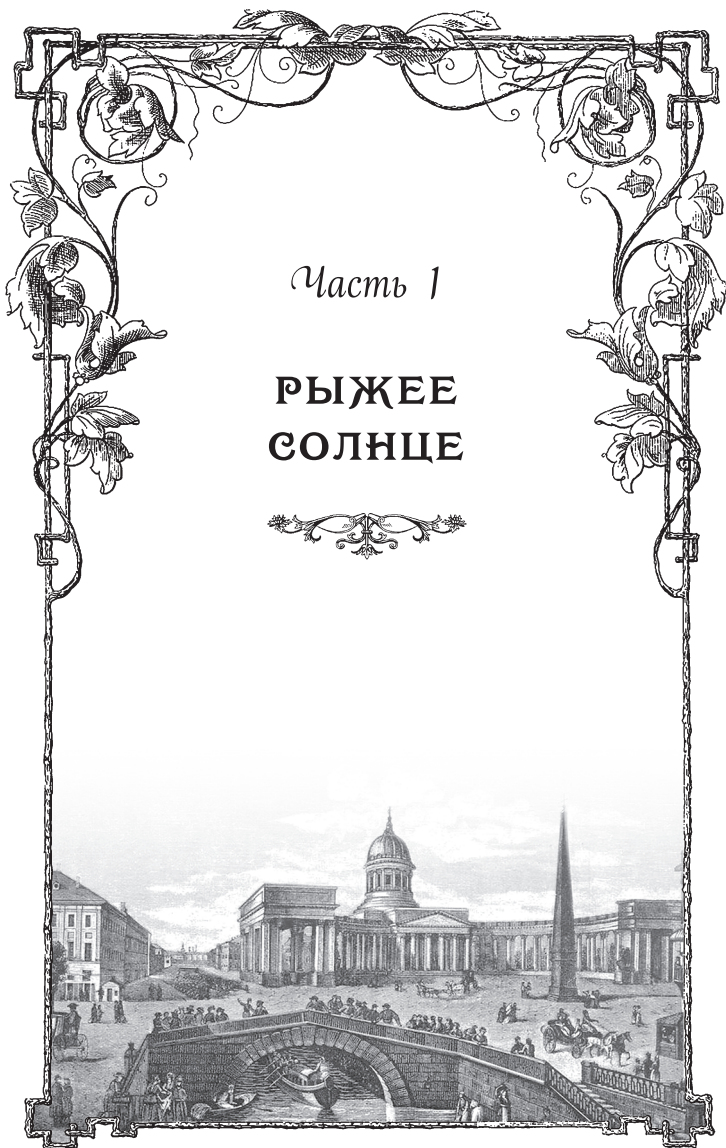

Часть 1

**РЫЖЕЕ
СОЛНЦЕ**

Пролог

Чайник, отдраенный до блеска, несмотря на свой почтенный возраст, пригрелся на печке и с минуты на минуту собирался закипеть, когда снаружи раздался стук. Положенной молитвы матушка не услышала, но, вероятно, просто из-за того, что дверь была очень толстой.

— Машенька, ты чаво ж ефто на пороге стоишь? — Пожилая монахиня открыла племяннице дверь и теперь суетилась, стараясь принять гостью как можно лучше. — Как раз я чайник поставила. Заходи.

— Нет-нет, матушка. — Молодая тоненькая девушка, застывшая на пороге скромной келейки Угличского Богоявленского монастыря, смутилась и от этого стала еще симпатичнее. — Я ненадолго. Только узнать про твое житье-бытье.

— А и ненадолго, — продолжила гостеприимная хозяйка, — как без чаю-то? Согреться душой и телом.

— Ну хорошо, — в конце концов согласилась Машенька, заходя и присаживаясь на небольшой пенек, служивший стулом. И тут же хитро прищурилась: — Но при одном условии.

— Ишь ты! — беззлобно хмыкнула матушка. — Что же это за условие такое, свет-душа моя Марья Арсеньевна?

— Ты расскажешь мне какую-нибудь историю! Только правдивую!

— Ефто можно, — протянула монахиня, улыбнувшись. — Ну вот и чайник вскипел!

Не дав племяннице помочь, сама доковыляла, хромя на правую ногу, до печки, голой рукой сняла закипевший чайник и залила листья кислицы и ягоды — малину и чернику. Этот напиток она называла чаем и считала лекарством от любой хвори. Протянула гостье чашку и, отхлебывая из своей, дуя на прозрачную, чуть зеленоватую жидкость, затянула напевным, совсем молодым голосом:

— Было ефто давно, в царствование прической памяти Государыни нашей Лисаветы Петровны...

Глава 1

ТРИ ПОДРУГИ

— Кира! — звала высокая черноглазая барышня в присыпанном веселым искрящимся снегом собольем полушубке. — Кира! Леночка! Что вы копаетесь? Идите скорее сюда!

Та, которую звали Кирой, — застенчивая полноватая и румяная девушка с изрытым былой оспой лицом, — неловко семеня по заледеневшей дороге и поминутно хватаясь за рукав своей спутницы Леночки, изо всех сил пыталась нагнать подругу. Звавшая их барышня переминалась с ноги на ногу от нетерпения и холода и увлеченно, с азартом глядела на что-то далеко впереди себя.

— Что там? — любопытствовала Леночка, подходя и с силой за руку подтаскивая за собой неуклюжую Киру.

— Смотри.

Леночка повернула свою красивую, будто из мрамора выточенную голову туда, куда указывала подруга. Там стайка озорных мальчишек дразнила нищенку, тыча в нее длинными палками и метко кидая снежками, а то и комьями мерзлой земли. Мальчишки улюлюкали, озоровато смеялись и явно соревновались друг с другом в красноречии, стараясь как можно больше задеть несчастную женщину.

Нищенка представляла собою страшное зрелище. Лохмотья чего-то красного, очевидно бывшие раньше платьем, куце свисали с тощей фигуры и трепыхались оборванными краями на ледяном крещенском ветру. Из-под сбившейся набок засаленной ткани платка в беспорядке выбивались белесые короткие волосы. При этом женщина была совсем молодая, вряд ли старше тридцати лет, но всем обликом производила впечатление старухи.

Когда мальчишки, совсем вошедшие в раж, сделали особенно ловкий выпад, наблюдавшая за ними черноглазая девушка захлопала в высвобожденные из белой

пушистой муфты ладоши, прикрытые черными изящными перчатками с меховой оторочкой:

— Так, так! Ату ее!

— Паша, как тебе не стыдно! — звонко воскликнула Кира. — Побойся Бога! Ить из церкви идем, не с балаганов!

— Да ну, какая ты скучная! Сразу видно, провинциалочка! На маменькиных киселях да бабушкиных блинах росла, за околицу носу не казала! — смеялась Паша. — А у нас, в столице, любят жестокие забавы! Так ведь, Леночка?

Розовощекая от мороза нежно-мраморная Леночка стояла потупившись и закусив губу, а потом кивнула невпопад и деловито сказала куда-то в пространство:

— Пойдем. Нас дома ждут.

— И правда, — согласилась Паша, — нечего на всякую ерунду глазеть! Тем более дома ждет Арсений! — Девушка мечтательно завела к небу свои красивые глаза.

Родной старший брат Леночки, Арсений, был помолвлен с Пашей Бельцовой, и дело медленно, но неуклонно шло к свадьбе. Жених был ни много ни мало из первого поколения студентов недавно открытого в Москве

университета. Минувшим летом он окончил с отличием очередной год — оставался еще один — и приехал на Святки домой.

— Да уж, — подхватила Леночка, — вот он обрадуется! С летних каникул тебя не видал!

Она взяла подругу под руку, и обе поспешили в сторону дома, находившегося в дальней части Петроградской стороны.

— Если б ты видела, как он за это время вырос! — продолжала девушка на ходу, семени за длинноногой и потому быстро шагающей Пашей. — А еще усы отрастил, совсем как взрослый. Смешно даже!

— Усы? — поморщилась Паша. — Скажи ему, что, если не сбреет, я за него замуж не пойду!

— Так и скажу. Ты думаешь, после этого сбреет? — Леночка рассмеялась.

— А то нет! Ну я ему покажу! — Паша весело погрозила кулаком воображаемому жениху. Потом, не переставая смеяться, шепнула Леночке в самое ухо: — А знаешь, какое он мне письмо давеча написал? Любой древнеримский ритор бы позавидовал!

— Кто позавидовал? — переспросила Леночка, непонятливо моргая незабудочными глазами.

— Да ладно, ты не поймешь... — отмахнулась досадливо Паша. Она была дочерью барона, а потому образованнее обеих подруг. — Так вот, слушай: «Милая сердцу моему Прасковья Дмитриевна! Ввиду того что очередной год обучения в Московском университете успешно мною закончен и я направляю стопы мои к родным пенатам, я желал бы, если будет на то соизволение родителей моих, видеть Вас у нас на праздник Крещения Господня, дабы иметь удовольствие лицезреть Вас, приложиться к Вашим дорогим ручкам и паки и паки в наинужнейших и наиизысканнейших выражениях изъяснить к Вам мою всегдашнюю любовь и искреннейшую сердечную привязанность. Ибо, находясь на обучении в древней столице Отечества нашего и не имея, таким образом, возможности созерцания дражайшего лица Вашего в течение долгого времени, мне оставалось только повторять слова Псалмопевца: *Возжада Тебе душа моя в земли пусте, непроходне и безводне*¹. Ныне же, направляясь

---

¹ В оригинале: *Возжада Тебе душа моя, коль множицею Тебе плоть моя в земли пусте, непроходне и безводне* (Пс. 62, 2).

в ныне царствующую столицу возлюбленного нашего Отечества, я смею тешить себя робкой надеждой, что Вы не оставите жаждущего в пустыне, а сполна напоите его радостью лицезрения Вашего. Засим остаюсь всецело преданный Вам смиренный студент Юридического, сиречь правоведческого, факультета Московского университета Арсений Григорьев сын Безуглов. Декабря двадцать третьего дня 1758 года от Рождества Христова».

— Ты даже наизусть выучила? — изумилась Леночка, пропустив мимо своих душевных ушей собственный внутренний голос, посмеявшийся заикнуться о том, что чужие письма, тем более такие интимные, нехорошо не только читать, но и слушать.

— А то! Ты слышишь, как густо кладет? Тредиаковский лопнул бы от зависти!

— А кто это такой? — снова не поняла Леночка.

— Пиит, — хмыкнула Паша, не любившая неучености.

— А где Кира? — испугалась вдруг Леночка, озираясь по сторонам. Когда она чувствовала себя глупой, она любила перевести тему, чтобы отвлечь собеседника от этой мысли.

Только сейчас подружки заметили, что Кира отстала где-то на полдороге. Переглянулись встревоженно.

— Опять она во что-нибудь встряла! — досадливо воскликнула Паша, потряхнув черной как смоль косой до пят. — Сладу с ней нет!

— Не надо так, — попросила Леночка, — все-таки она моя троюродная сестра. Она же не виновата, что выросла не в столицах.

— Не виновата, — согласилась Паша, — но все же ты к ней слишком снисходительна. Разбаловала!

— Но-но, — Леночка всерьез погрозила подружке пальцем. — Эдак ты со своими крестьянами разговаривать будешь! А я ведь могу и от дома тебе отказать, не посмотрю, что ты мне без пяти минут невестка!

— Как запела-то! — гордо усмехнулась Паша. — Красноречием вся в брата! А от дома ты мне отказать не можешь, могут только твои родители, а они во мне души не чают! Что, съела?

Добрая и немного простодушная Леночка давно привыкла, что на ее подругу иногда приходил «бес в ребро», любила ее такой и не видела смысла обижаться: человека-то своими обидами все равно не изменишь. Поэтому все

эти речи про «отказаться от дома» были не более чем словами. К тому же Арсений любил Пашу всерьез и жениться на ней собирался в самое ближайшее время, а именно на Красную Горку, когда станет тепло. Так зачем же ссориться с той, кто скоро станет почти сестрой?

Подруги были уже почти у самого Леночкиного дома, а Киры все не было видно. Если идти искать ее, они опоздают к праздничному обеду, а это в высшей степени некультурно. В конце концов, посоветовавшись немного, подруги приняли решение войти в дом, предупредить хозяев о том, что троюродная сестра из Углича потерялась по дороге, и отрядить кого-нибудь пойти по их следам на поиски заблудившейся Киры.

Тяжелая дверь из массива дуба громко хлопнула, и патлатая Танька — крепостная девушка Безугловых — кинулась принимать у барышень шубы и шапки.

— Осторожнее! — холодно попросила Паша, вручая ей как самое ненаглядное сокровище свою песцовую муфту.

В переднюю ворвались аппетитные запахи с кухни и залиvistый смех попеременно с голосами из комнат. Шепелявые слова Таньки «там барышни пожаловали!» первым услышал высокий статный юноша, залихватски подкручивающий недлинные темные усики и нарочито, напоказ, носящий форму студента университета. Он тотчас отставил в сторону недопитый бокал мозельского и вышел встречать гостей.

— Леночка, здравствуй. — Поцеловались троекратно. — Как в церкви? Не слишком толкались? А хор академический пел? Еще бы, в такой праздник! Надеюсь, они хоть иногда вспоминали, что находятся в Доме Божиим, а не в Парижской академии музыки и танца!

Несмотря на то что Безугловы были достаточно набожны, Арсений по последней моде студентов Московского университета за годы своего обучения сделался почти атеистом и теперь не уставал иронизировать над духовенством, церковной жизнью и религией как таковой.

Паша звонко рассмеялась этой шутке и, сверкнув в сторону жениха чернящими глазами из-под длинных заиндевелых ресниц, ответила в том же тоне:

— О, что Парижская, они явно на сцену Гамбургского театра¹ метили! Таким фиоритурам позавидовал бы сам Фаринелли!²

Леночка недоуменно смотрела то на брата, то на подругу. Они явно нашли и очень хорошо понимали друг друга, все это было непостижимо ее уму, кроме одного: брат вернулся из университета не тем, что раньше. Неужели в учебном заведении, призванном служить просвещению, учили отвергать Бога? От этой мысли Леночке хотелось плакать: не Арсений ли еще лет двенадцать назад, когда она была совсем маленькой, поднимал ее в церкви повыше, чтобы она могла поцеловать темную икону на аналое?³ Не они ли вместе разрисовывали писанки к каждой Пасхе?

— Здравствуйте, Пашенька! — Студент Московского университета церемонно расшаркался перед невестой и, дождавшись,

---

¹ *Гамбургский оперный театр* — старейший оперный театр Европы (основан в 1677 г.).

² *Фаринелли* (наст. имя *Карло Броски*; 1705–1782) — знаменитый итальянский певец-кастрат.

³ *Аналой* — церковный столик с наклонной столешницей, на который кладется крест или праздничная икона для удобства поклонения верующих.

пока та снимет перчатки, с жаром поцеловал ее утонченную руку с изумрудным перстнем.

— Кира потерялась по дороге, — небрежно бросила Паша, брезгливо убирая руку под теплую шаль.

— О! Ее нужно непременно найти! — воскликнул Арсений и кликнул Таньку.

— Чего изволите, барин?

— Салоп мой! И шапку бобровую!

— Слушаюсь, барин, сию минуту! — Танька засемила в гардеробную, а Арсений, взглянув в зеркало, еще немножко подкрутил левый ус.

— Ровно? — игриво поинтересовался у невесты, подняв брови.

— Ровно-то ровно, — кивнула Паша, — вот только не идет вам, хоть убей!

— А я-то думал пофрантить... — расстроился Арсений. — Но раз вам не нравится, то завтра же отправлюсь к цирюльнику и уберу!

— Отправляйтесь. Поверьте мне, будет лучше.

Молодой человек хотел было ответить невесте что-нибудь в том же духе, но в этот момент вернулась Танька с салопом и шапкой и ловко, привычными жестами помогла

молодому барину одеться. Уже на пороге Паша шепнула ему:

— А Давида¹ ты ловко в письме приплел, для красноречия!

---

¹ Это о Псалтири пророка и царя Давида.

Глава 2

БЕЗ УГЛОВ

Ученик третьего класса Академической гимназии¹ Матвей Безуглов вышел вместе с ватагой соучеников на школьное крыльцо и закашлялся, вдохнув после душного помещения свежий воздух, тронутый крепким крещенским морозцем. Занятий по случаю праздника в тот день не было, но ребята заходили после богослужения устроить празднество для захворавших и потому не разошедшихся по домам товарищей.

С гимназического крыльца открывался потрясающей красоты вид на покоящуюся во льдах Неву, такие же безжизненные гранитные борта набережных и заиндевелый, тянущийся в распогодившееся ради

---

¹ Учащийся третьего класса гимназии соответствовал возрасту четырнадцати лет (*прим. авт.*)

великого праздника небо шпиль Адмиралтейства на том берегу. Матвей окинул взглядом докуда было видно и глубоко вздохнул. В такой день хотелось обнять весь этот город и радостно засмеяться от того, что он есть.

— Эй ты, Без Углов, чего стоишь? Пошли!

Прозвище ребята образовали от его фамилии. Произносили нарочно раздельно, чтобы было на слух понятно, что не по фамилии назвали, а именно прозвищем. Прозвали за мягкосердечие, считавшееся в их среде качеством отрицательным.

Окликнул Витька — розовощекий круглый юноша, бывший заводилой во всех шалостях третьеклассников. Он больше радовался отсутствию занятий, чем празднику и сделанному делу, его молодая энергия требовала выхода, а потому он не терпел остановки и жаждал сейчас же сорваться с места.

— Пошли, — согласился Матвей, торопко и оттого неуклюже спускаясь с заледенелого, припорошенного снежком крыльца. Четверо живших на Васильевском острове — Без Углов и Витька в их числе — повернули в ближайшую линию, а остальная ватага направилась в сторону моста.

— Эх, жалко, святки заканчиваются! — вздохнул Витька. Он явно был раздосадован этим фактом.

— Ничего, уже и Масленая скоро! — отозвался рыжеватый высокий Глеб.

— И то верно!

— О! Вы посмотрите, кто это там! — вдруг сорвался с места третий товарищ, Ванька, пожалуй, еще больший шалопай, чем Витька.

Все остальные обернулись туда, куда указывал их друг.

Заметили они ее не сразу. Казалось, по белой от снега дороге скользила едва колыхавшаяся тень. По мере приближения к ребятам у тени стали различимы большие впалые глаза, ярко-голубые и со следами недавних слез, обветренное и оттого некрасивое лицо и грязно-красные лохмотья на тощей фигуре.

— Да это же... наша давешняя знакомая! — Витька и Ванька разом вошли в раж. — Ату ее! Здесь не место полоумным! Ату!

Витька, Ванька и Глеб моментально подобрали с земли комья плохо слипающегося от сильного мороза снега и льдышки. После очередного крика «ату!» все эти боеприпасы полетели в сторону нищенки. Женщина робко жжалась, как будто ей только сейчас вдруг стало

зябко в своей рванине в такой мороз, но защищаться не стала и не ускорила шага, так и продолжала плыть, как призрак, медленно-медленно, даже не глядя в сторону своих обидчиков.

— Эй, Без Углов, а ты что встал? Размазня ты, Матяша, вот что я тебе скажу!

Едва мальчишки напали на бедную женщину, Матвей в испуге отошел в сторонку и теперь смотрел на происходящее огромными ошарашенными глазами, не решаясь ни помочь ребятам, ни заступиться за нищенку. Окрик Витьки заставил его вздрогнуть. Меньше всего на свете ему хотелось, чтобы ребята считали его размазней. Но ведь праздник сегодня, да и идут они с доброго дела! Чем эта женщина виновата, что Бог отнял у нее разум? Не побояться, так и спросить об этом у них? Еще, чего доброго, окончательно утвердятся в мысли, что он размазня. Да, собственно, так и оно есть. Но что он может против троих, да еще с ледяными глыбами в руках?

Внезапно взгляд мальчика, блуждающий в попытке уйти от этого зрелища, натолкнулся на другой — глаза серые, испуганные. Круглое лицо в веснушках и бугорках от оспы. На голове — светло-серый пуховый платок, и из-под него выглядывает короткая рыжая

коса. Да это же Кира, их троюродная сестра, приехавшая из Углича на праздники. А вон и Леночка рядом с ней — отвела взгляд, кусает губы... Такая же размазня, как и он. Наверное, у них это семейное. Но что-то подсказывает, что Арсений не побоялся бы.

При мысли об Арсении Матвей узнал и третью девушку, наблюдавшую за происходящим с нескрываемым азартом. Это Паша Бельцова, невеста старшего брата. Красивая она все-таки. От матери-грузинки унаследовала черные-пречерные глаза, волосы и брови, от отца-барона — белое лицо и манеры настоящей леди, от многочисленной тифлисской родни — темперамент. Матвей считает ее своим другом, но все же какое счастье, что она не его невеста, а Арсения!

Девушки его, кажется, не заметили, прошли мимо. И слава Богу! В свои четырнадцать Матвею уже хотелось, чтобы прекрасный пол обращал на него внимание, но не в такой ситуации, когда он ведет себя как тряпка. Тем более, можно сказать, все три ему сёстры. Лена — родная, кровная; Кира — троюродная; Паша — без пяти минут жена брата.

При виде Леночки, к которой он был очень привязан, Матвея вдруг ужасно потянуло

домой: там отец в синем мундире и мама в красивом платье с отутюженным белым воротничком, Арсений и Леночка. Там жарко натоплено, там поют песни, там льется вино и летают прекрасные запахи — цветов, духов, готовящихся на кухне яств. Там все люди *прекраснодушные* — он вычитал это слово в каком-то житии и очень полюбил его — и никто не стал бы обижать бедную безумную нищенку.

Как раз в это время ребятам наскутило кидаться комьями снега в незащитную женщину, и все трое, по-разбойничьи присвистнув, стали разбредаться по домам. Как только последний из них скрылся за поворотом, Матвей, вдруг набравшись храбрости, кинулся к нищенке. Но она подошла к нему сама все той же неслышной походкой и долго смотрела ему в лицо, как будто вспоминая, где она могла его видеть раньше. Оба молча смотрели друг на друга. Потом Без Углов виновато склонил свою тяжелую от форменного картуза голову. Женщина прошла мимо, продолжая без слов глядеть на него. И вроде бы самые обычные глаза — а от одного этого спокойного взгляда Матяша остро ощутил, что Витька прав, что он и есть самый настоящий размазня.

А глаза-то у нее вовсе не безумные... Мальчик с надеждой решил еще раз в них заглянуть, но нищенка уже пошла своей дорогой, по-прежнему как будто плывя над заснеженными линиями, едва касаясь босыми ногами земли. Пройдя еще несколько шагов, Матвей обернулся и вдруг увидел, как Кира, подойдя к женщине, решительно смотав со своей головы платок, покрыла им спину и плечи нищенки. Вот у нее смелости хватает! Она не боится, что кто-то поднимет ее на смех и будет потешаться еще три года. А все почему? Потому что сегодня же вечером скрипучие, но добротного сколоченные сани, запряжённые соловым Шабашкой, увезут ее в родной Углич. А там никто не знает, никто не видел, а стало быть, никто не станет смеяться.

— Матяша, ты?

Он поднял наконец глаза. Кира стояла совсем рядом, разрумившаяся от мороза, и улыбалась. Она и без того не была красавицей, но до чего же уродливым делала ее лицо улыбка! Но он знал, еще до сегодняшней истории с платком знал прекрасно, что его троюродная сестра очень добрый человек. За это можно ей простить некрасивость.

— Я.

— Рада, что тебя встренула. Пойдем домой, нас, видать, заждались уже.

Они двинулись в сторону дома, и всю дорогу Кира не переставала тараторить:

— Я отбилась от девочек. Паша, представляешь, ребят подзадоривала, которые ефту женщину обижали! И не знала, что она может быть такой. Ить из церкви же идем! Да и праздник какой великий!

Матвей замялся, частично от природной робости, но больше от того, что троюродная сестра точь-в-точь озвучила его мысли по этому поводу. Он уже набрал в грудь воздуха, чтобы ответить ей, но тут оба услышали окрик:

— Кира! Мы тут с ног сбились, тебя разыскиваем — а ты с Матяшей... Ну хорошо. Живо оба домой, вас все заждались уже!

Арсений стоял посреди утопанной снежной тропинки, смотрел на ребят сверху вниз и улыбался снисходительно, как улыбаются взрослые шалостям малых детей. Вдруг он посерьезнел, как будто что-то заметив:

— Кузина, а ты что ж это простоволосая? Где твой платок?

— Потеряла по дороге, — отмахнулась Кира.

— Ну что ж ты! — покачал головой старший брат Безуглов. — Непорядок! На вот, возьми. — Он стянул с головы картуз и протянул девушке.

— Да чаво ты, мне и не зябко вовсе. — От смущения Кира стала пунцовой. — А вот тебе надоть. Ты у нас ученый, голову не застужай.

Она говорила простосердечно, без малейшей позы или насмешки; но картуз взяла, повертела в руках и отдала обратно, сопроводив еще одним аргументом, тоже без тени иронии:

— Большой больно. Утопнуть можно.

Они с Матвеем прошли вперед, а Арсений, чуть поотстав, заметил, что снежинки, искрившиеся кристалликами и таявшие крошечными бисерными капельками в растрепанных рыжих волосах его троюродной сестры, как будто образуют вокруг ее головы подобие диадемы или ореола. Моргнул — и видение исчезло, снова став прозаичными снежинками.

Все трое вошли в дом. Пошли приветствия Матяше, оханья в адрес Киры, благодарственные восклицания о том, что все обошлось, Изображенному на закопченной иконе в красном углу гостиной. Матвей ощутил приятное чувство дома — того самого,

где все прекраснoдушны и ничего страшного или грустного быть не может во веки веков. И через пару минут его робость перед друзьями и вообще вся эта досадная история с нищенкой подернулись в его сознании тоненьким крещенским ледком забвения, все крепнувшим по мере продвижения праздника к своей кульминации — балу. Мальчик в силу возраста еще не принимал в нем участия, но очень любил смотреть, как горделиво сверкает менуэт, нарастает, как шум моря в шторм, алеман и игриво веселится англез.

А еще Матяшу веселило, что всегда перед балами из Леночкиной комнаты доносился звонкий девичий смех — в переодеваниях к балу, конечно, было что-то дурацкое, но сами барышни обычно этого не замечали, а с самым серьезным видом красовались одна перед другой новомодными нарядами, шпильками, заколками, перчатками и веерами, но за четырнадцать лет своей жизни Матвей Безуглов успел заметить, что, собравшись вместе, девушки смеются всегда. И в этом смехе, перешептываниях и перемигиваниях, полунамеках веером, шуршании тяжелых от фижм юбок, да даже в тех же нелепых кружавчиках на платьях и в легком ореоле

духов, следовавшем за очередной красавицей по пятам, была какая-то тайна, будоражившая нервы и заставлявшая Матвея выдумывать предлог, чтобы вновь и вновь проходить мимо сестриной комнаты.

Когда праздников в доме не устраивали, единственным звуком этой комнаты был Леночкин голос, шепчущий молитвы, распевая ющий гаммы или заучивающий французские спряжения. Так было всегда, сколько Матвей себя помнил, это было так же естественно, как дождь, снег или солнце на небе, но сейчас, под это девичье задорное щебетание, шепот и смех, у мальчика вдруг почему-то защемило в груди. Как будто в этой комнате пряталось что-то особенное. Матвей тряхнул головой, чтобы отогнать непрошенные сантименты, успокоился и, заложив руки за спину, пошел на их с Арсением половину, подальше от веселой комнаты. Шел, стараясь шагать широко, по-взрослому, шел и насвистывал себе под нос бравурную немецкую песенку, разученную им недавно в гимназии.

Глава 3

НЕПРЕДВИДЕННЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

В танцах Кира участия не принимала. Отчасти потому, что, несмотря на свои шестнадцать лет, вообще еще не танцевала, но главным образом по той причине, что сани, запряженные Шабашкой, уже были поданы к крыльцу и ждали свою рыжеволосую хозяйку. Сама она бегала взад и вперед вместе с Танькой, Нюркой, Авдотьей и другими дворовыми девушками Безугловых, перетаскивая из дома в сани сундуки, мешки и свертки. Семейство Караваевых, в отличие от столичных Безугловых, жило скромно, поэтому личных вещей, которые Кира привезла с собой в Петербург, едва набрался небольшой дорожный ларец, но двоюродный дядюшка был человеком щедрым и с избытком одарил угличскую родню столичными гостинцами.

— А эту нонешнюю моду вы видали? — смеялась Танька, с трудом выговаривая едва знакомое ей слово «мода». Она косилась на Киру и старалась при ней казаться умнее, чем была.

Девушка положила прямо на снег свертки, которые несла в руках, и стала изображать, корча смешные рожи:

— Вот тут, — она показала на бедра, — две подушки, вот тут, — на живот, — как будто и вообще нет ничаво под платьем, а вот тут, — поднялась руками выше, — так и вообще срамота, смотреть стыдно.

— *Дикальтэ* это называется, — вставила Авдотья, тоже стараясь щегольнуть перед барышней мудреным словом.

— Не *дикальтэ*, а срам! — с жаром возразила Танька. О свертках она и думать забыла, стояла, утирая сопливый нос полной рукой, и глядела вокруг себя тупыми светло-серыми глазами, как будто выискивая, над чем бы еще подшутить.

— Так потому так и прозвали, что дико! — парировала Авдотья. Потом захохотала звонко, обнажив зубы — очень неплохие, кстати, для ее положения. — А у тебя глаза завидуущи, вот и зубоскальничаешь! Небось самой так платьишко ой-ой-ой как хочется!

— Ишшо чаво! Стыдоба одна, да и больше ничаво!

— Ой, скромница сыскалась, тоже мне! А то я не вижу, как ты на молодого барина исподтишка зыркаешь!

— Змея ты, Авдуська, подколодная! Я тебе так, по дружбе, втихаря сказала, а ты уж и трепешь!

Танькины глаза налились слезами, и она бросилась на собеседницу, сорвала с нее платок и с силой вцепилась в косу. Авдотья заверещала тоненько, как поросенок, но в долгу не осталась и припечатала обидчицу по голове своей жесткой от работы рукой. Если бы в доме были открыты окна, вопли двух дерущихся девок наверняка заглушили бы веселую мелодию контрданса, но, по счастью, за толстыми стенами ничего не было слышно.

Кире было весело слушать разговоры крестьянок; у себя дома в Угличе она, несмотря на возражения родителей, большую часть времени проводила в передней или в девичьей, помогая пожилой Феше — единственной и бессменной их крестьянке, вынянчившей Киру и схоронившей восьмерых ее братьев и сестер. Но, когда спор Авдотьи

с Танькой перешел в драку, барышня подошла к ним. Окрикнула несколько раз. Поняла, что не помогает, пожала плечами, подняла брошенные Танькой свертки и понесла их в коляску.

На полпути в крики дворни, хруст снега под несколькими парами ног и временами, когда открывалась входная дверь, под долетавшие до переднего двора звуки бала ворвался громкий, чеканный галоп копыт. Кира обернулась на звук — и сейчас же узнала всадника. Это же Тришка, Фешин внук, по будням — подпасок, а по выходным и праздникам — певчий в Корсунской церкви! Старший товарищ ее детских игр, тот, кого Кира Караева считала почти братом.

Он подругу, кажется, не заметил. Спешился и попросил Нюрку позвать барина. Нюрка побежала выполнять поручение, но далеко не ушла: вспомнив о том, что Кире пора уезжать, Григорий Афанасьевич и Мария Ермолаевна вышли отдать последние распоряжения дворне и попрощаться с двоюродной племянницей. Тришка подошел к ним, поклонился в пояс и тогда уже сказал, глядя на них, но обращаясь к Кире, едва переводя дух от быстрой скачки:

— Беда, барышня! Пурпурная лихорадка!¹ Наталья Ивановна захворали сильно... Ляксандр Ануфревич просят вас... если вас, — он наконец-то обратился к господам, — ефто не стеснит... остаться покамест тут. А то разная она дюже, лихорадка ефта...

— Конечно, Кирочка, оставайся! — ласково сказала Мария Ермолаевна, но было видно, что она взволнована.

— Мама? — встревоженно переспросила девушка не Тришку и не тетушку, а пространство. Нет-нет, маме нельзя болеть, у нее слабое сердце! Значит...

— Стой!!! — окрикнула Кира Тришу, уже успевшего снова сесть верхом и отъехать от дома Безугловых. Юноша рванул поводья и остановился в растерянности. Оглянувшись на секунду на добрый гостеприимный дом, где ей были всегда рады, взглядом извинившись перед хозяевами и едва моргнув в адрес вышедших на крыльцо Арсения, Паши Бельцовой, Матвея и без конца щебетавшей с подругами Леночки, девушка подбежала к рыжему жеребцу с нелицеприятной

---

¹ *Пурпурной лихорадкой* в XVIII в. называли скарлатину.

кличкой Шкура и ловко вскочила по-мужски верхом на седло к Трише. Без тени смущения обхватила его сзади руками и присвистнула:

— Но!

От этого зрелища на пару секунд все застыли разинув рты. Потом от толпы провожающих отделились две фигуры и, торопясь, толкая друг друга и от этого пыхтя, бросились по хрусткому высокому снегу вдогонку. Один из догоняющих, высокий, стройный от форменного мундира университета, крикнул «тпру-у-у-у-у!» и поймал Шкуру за поводья, на ходу скомандовав что-то второму. Но этот второй, прежде чем брат успел отдать ему распоряжение, сам кинулся в сторону конюшни. Увидев, что Арсению удалось остановить лошадь, повернул обратно, завяз в снегу, потеряв в нем туфлю, и, ступая в снеговое месиво кружевным ситцевым чулком, тоже подбежал к отъезжающим.

Арсений схватил Киру за то место, где у девушки должна быть талия — у его троюродной сестры она отсутствовала напрочь, — и с силой потянул ее с седла, но девушка отчаянно отбивалась обеими руками и в конце концов даже засветила ногой брату между глаз. Перепуганный суматохой,

да и от природы с дурнинкой, Шкура рванул, и девушка, кувырнувшись через круп коня, повалилась на руки подоспевшему Матвею. Кира, как уже было сказано, отличалась довольно плотным телосложением, поэтому Матяша ее не удержал и уронил троюродную сестру прямо в сугроб. Подбежал, подал руку, но Кира, не опершись о нее, села и сказала отсутствующим голосом:

— Мама... мама болеть не должна! А если вдруг... — Она не договорила, что «вдруг», но разом стала белее окружающего снега, и все поняли, о чем она. — Я нужна ей. Я должна, обязана быть рядом!

Растерянный Матвей так и стоял над ней с вытянутой рукой, как будто все еще надеясь, что Кира Александровна Караваева соблаговолит ею воспользоваться. А вот оправившийся от ее пинка Арсений подошел, не церемонясь, взяв за плечи, поставил кузину на ноги и проговорил тихо и очень серьезно:

— Кира, не делай глупостей. Ты же понимаешь, что твоей маме станет только хуже, если ты будешь постоянно подвергать себя опасности заразиться.

— Нет-нет! Мама будет рада, что я рядом! — упрямо твердила девушка.

— А если тебя тоже свалит скарлатина, то мама и подавно будет счастлива! — Арсений иронией попытался разрядить атмосферу.

Он подошел и посмотрел троюродной сестре прямо в глаза, как взрослый, недовольный поведением чересчур расшалившегося малыша, но как *родной* взрослый, готовый при этом понять и даже оценить серьезность проблемы. Этого взгляда Кира не выдержала, крепко-крепко обхватила брата руками и залепетала, всхлипывая, ткнувшись курносый веснушчатый носом в университетский мундир:

— Если мама умрет... а я здесь... с балами, кружавчиками и кавалерами!

И вдруг, с силой оттолкнув и обнявшего ее в ответ и пытающегося утешить Арсения, и опешившего от столь стремительно развивающихся событий Матяшу, бросилась в дом, забежала в отведенную ей в женской половине просторную комнату, куда Танька с Нюркой уже успели перенести вещи, и хлопнула дверью так, что старинная лепнина, украшавшая потолок, едва не обрушилась ей на голову.

Матвей, обретя, наконец, дар речи, но все равно запинаясь от волнения и незнакомого

ему до этих пор чувства уверенной решимости, предложил:

— Папенька... давай отправим в Углич... доктора Финницера! По-русски он понимает сносно... и учился за границей, знает, как с этой лихорадкой... пурпурной... бороться... он... справится!

Услышав из уст младшего сына такое предложение, Григорий Афанасьевич, несмотря на обстоятельства, просто просиял:

— Дело говоришь, Матяша! Коляска заложена, а я дам доктору Финницеру денег на дорогу и все, что он сам скажет, что может помочь моей кузине, да заодно и письмо Александру, — так, исключительно полным именем, он называл Кириного отца.

Танька, получившая за драку с Авдотьей серьезную взбучку от господ, а потому притихшая, была отряжена позвать доктора, и через сорок минут, побрякивая от мороза, долговязый востроносый немец, лечивший Безугловых и всю их дворню, но квартировавший зачем-то не у господ, а в скромной гостинице на Петроградской стороне, с ящиком медикаментов под мышкой сел в заложенную для Киры коляску и вскоре скрылся из виду.

На стук в запертую дверь Кира не отреагировала, несмотря на то что он повторился уже в четвертый раз. Заглянув в окно, Арсений (а стучал именно он) увидел, что троюродная сестра все еще лежит ничком, даже не сняв тулупа и платка, и всхлипывает. По временам она приподнималась и, широко, размашисто крестясь, что-то шептала, а потом снова падала на ковер, так что было непонятно, по-прежнему ли она плачет или тревога вылилась в исступленную молитву о здравии так внезапно захворавшей матери.

— Так-так-так! Мой дражайший нареченный шпионит под окнами других девушек и вообще ведет себя, как герой сентиментального романа!

Паша подкралась так бесшумно, что Арсений и не заметил. Обернулся раздражённо: как она может зубоскальничать?! Кира — сестра, такое его к ней отношение уместно и даже вполне прилично. Но, увидев невесту, в очень шедшем ей собольем полушубке, с высокой бальной прической и лучистыми чернящими глазами, такую черную в окружении белейшего снега, успокоился, повеселел и озоровато запустил в Пашу снежком, чтобы не смела говорить таких вещей. Баронесса Бельцова

расхохоталась в ответ и бросила в жениха целую канонаду снежков. Бой продолжался с полчаса и закончился безоговорочной капитуляцией студента Безуглова перед напором, жизненной силой и веселостью невесты.

Той ночью уставшему от столь стремительного развития событий Матвею приснилась Кира. Она сидела на снегу, не в скромном тулупчике и Леночкином платке, как в жизни, а в бархатном бальном платье цвета балтийской волны, такая же веснушчатая и большеногая, какой была всегда, сколько он ее помнил, и ее распущенные по плечам растрепанные огненно-золотые, рыжие волосы искрились снежинками и солнцем, и единственный этот факт делал его троюродную сестру по-настоящему прекрасной. Повернувшись на другой бок в надежде, что видение от этого не убежит, Матяша так и не догадался, что Арсению в этот момент неожиданно, вопреки его сердцу и здравому смыслу, снилось то же самое.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть 1

РЫЖЕЕ СОЛНЦЕ

<i>Пролог</i>	7
<i>Глава 1. Три подруги</i>	9
<i>Глава 2. Без углов</i>	21
<i>Глава 3. Непредвиденные обстоятельства</i>	32
<i>Глава 4. Думы старого солдата</i>	43
<i>Глава 5. Городские сплетни</i>	58
<i>Глава 6. Подвиг любви</i>	75
<i>Глава 7. Три озарения студента Безуголова</i>	86
<i>Глава 8. Дивна дела Твоя, Господи</i>	95
<i>Глава 9. Масленица</i>	106
<i>Глава 10. Настоящее сокровище</i>	123
<i>Глава 11. Маленькие радости Киры Караваевой</i>	134
<i>Глава 12. Великосветская скука</i>	145
<i>Глава 13. Ропот</i>	164

Оглавление

Часть 2

ВЗРОСЛЕНИЕ

<i>Глава 1.</i> Великопостные искушения.....	179
<i>Глава 2.</i> Первый дождь.....	189
<i>Глава 3.</i> Женское сердце.....	199
<i>Глава 4.</i> Страдания юного Вертера, или Еще раз про любовь.....	212
<i>Глава 5.</i> Пасха до Пасхи.....	218
<i>Глава 6.</i> Возвращение блудного сына.....	224
<i>Глава 7.</i> Великая Суббота.....	231
<i>Глава 8.</i> Происшествие на Пасху.....	242
<i>Глава 9.</i> Школа жизни.....	256
<i>Глава 10.</i> Пути Господни.....	271
<i>Глава 11.</i> Предсвадебные заботы.....	285
<i>Глава 12.</i> Взросление.....	294
<i>Глава 13.</i> Подарок от Ксении.....	303

Часть 3

ИСТОРИЯ ПОТЕРЬ

<i>Пролог</i>	323
<i>Глава 1.</i> Звезда маскарада.....	328
<i>Глава 2.</i> Небесная Рига.....	341
<i>Глава 3.</i> Муза живописи.....	358

Оглавление

<i>Глава 4. Наследники Иосифа-плотника .....</i>	<i>370</i>
<i>Глава 5. Попрыгунья, или Конец древнего рода .....</i>	<i>379</i>
<i>Глава 6. Ангел Хранитель .....</i>	<i>395</i>
<i>Глава 7. Одиночество, или Богатые тоже плачут .....</i>	<i>408</i>
<i>Глава 8. Час от часу не легче .....</i>	<i>417</i>
<i>Глава 9. Кто из вас без греха, первый брось в нее камень .....</i>	<i>427</i>
<i>Глава 10. Серьезный разговор .....</i>	<i>435</i>
<i>Глава 11. Холодная зима .....</i>	<i>443</i>
<i>Глава 12. Солнечный лучик .....</i>	<i>452</i>
<i>Глава 13. Ныне отпускаеши .....</i>	<i>459</i>
<i>Послесловие .....</i>	<i>466</i>

